

Смазнова М.А.

*студентка магистратуры, юридического института
Рязанского государственного университета им С.А.Есенина*

Научный руководитель: Пантюхина И.В.

*доцент кандидат юридических наук
заведующий кафедры уголовного права и
процесса Рязанского государственного университета
им С.А.Есенина*

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОЖНЫХ ЕДИНИЧНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЗАРУБЕЖНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

***Аннотация:** В настоящей статье исследовано то, как определяется содержание понятия «сложных единичных преступлений», рассмотрены основные подходы к пониманию содержания сложных единичных преступлений в законодательстве зарубежных стран, а также система категорий преступлений. Делается акцент на то, что в ряде уголовных кодексов зарубежных стран не закреплено понятие преступления, а также их деление на категории. Сделан вывод о том, что различия в подходах к определению понятия преступления и деления преступлений на категории вызвано особенностями, а также традициями законодательства, обусловленными принадлежностью к той или иной правовой семье. Всё это также подчеркивает оценочный характер понятия «категория сложные единичные преступления» и его изменчивость.*

***Ключевые слова:** уголовное право стран, зарубежная уголовно-правовая доктрина, деящиеся преступления, альтернативные преступления в странах зарубежья.*

***Annotation:** This article examines how the content of the concept of “complex individual crimes” is determined; the main approaches to understanding the content*

of complex individual crimes in the legislation of foreign countries are considered, as well as the system of categories of crimes. The emphasis is placed on the fact that a number of criminal codes of foreign countries do not establish the concept of a crime, as well as their division into categories. It was concluded that differences in approaches to defining the concept of a crime and dividing crimes into categories are caused by the peculiarities, as well as traditions of lawmaking, determined by belonging to a particular legal family. All this also emphasizes the evaluative nature of the concept “category of complex individual crimes” and its variability.

Key words: *criminal law of countries, foreign criminal law doctrine, continuing crimes, alternative crimes in foreign countries.*

Изучение законодательства зарубежных стран и практики его применения, представляются нам крайне важными для развития национального права. Особенно это важно в сфере уголовного права, так как в последние годы тенденция возрастания количества именно международных преступлений, выявление и пресечение которых невозможно без эффективного международного сотрудничества и в свою очередь без взаимного понимания опыта теоретического закрепления ряда юридических конструкций.

Одним из важнейших объектов для подобного сравнительного изучения безусловно является конструкция единичного сложного преступления, которая известна далеко не во всех правовых системах, а если и известна, то не в таком виде, в каком она закреплена в отечественном уголовном законодательстве.

Уголовное право стран общего права, как правило, не выделяет единичные сложные преступления. Так, уголовное законодательство Англии не выделяет как само понятие преступления, так и его отдельные виды, составные и делящиеся преступления¹. На вопрос о том, как рассматривать

¹ Кольцова, Е.Ю. Регламентация сложных единичных преступлений в уголовном законодательстве

определённое действие, как множественность преступлений или как единичное сложное, английский законодатель отвечает неоднозначно: необходимо руководствоваться житейскими представлениями и исходить из самой сущности деяния².

На вопрос о том, можно ли каким-либо образом консолидировать критерии данных житейских представлений английское право отвечает судебной практикой, которая не во всех случаях является единообразной. В американском уголовном праве вопрос о выделении единичного сложного преступления представляется несколько иным, несмотря на то, что уголовное право США формировалось под сильным влиянием английского права. Так, в п. 2 ст. 1.07 УК США содержится правило, по которому «дело подсудимого не подлежит самостоятельному судебному разбирательству по каждому из входящих в множественность посягательств, которые выразились в одном и том же поведении или возникли из одного и того же события, если об этих посягательствах было известно надлежащему должностному лицу, осуществляющему уголовное преследование, в момент возбуждения первого судебного разбирательства, и если они находятся в пределах юрисдикции одного и того же суда»³.

Как указывает Н.Н. Куличенко, данный подход американского законодателя к определению единичного сложного преступления говорит нам о том, что американское уголовное законодательство придерживается прежде всего принципа объективного вменения вины, который проявляется в том, что возможно привлечение лица к ответственности без установления его фактической вины⁴.

Крайне интересен подход французского законодателя к определению

стран постсоветского пространства / Е.Ю. Кольцова / Реализация прав, свобод и законных интересов граждан в местах принудительного содержания: Сборн. науч. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. Л.Ю. Лариной, под науч. ред. А.Я. Гришко. Рязань, 2021. С. 101.

² Грюнхут М. Английское уголовное право. В кн.: Современное зарубежное уголовное право. Т. 3. М.: Иностр. лит., 1961. С. 759

³ Примерный Уголовный кодекс (США). М.: Прогресс, 1969. С. 303???

⁴ См.: Куличенко Н.Н., Абызов К.Р. Единичное сложное преступление в уголовном праве и законодательстве зарубежных стран (сравнительный анализ) // Ползуновский вестник. 2006. № 3-1. С. 129.

рассматриваемому нами понятию. Французский уголовный кодекс, как и российский, не содержит понятия единичного сложного преступления. Несколько схожее по юридической природе понятие, выделяется во французской доктрине. Речь идёт о простых и сложных преступлениях. Более интересно в рамках рассматриваемой темы понимание французским законодателем сложного преступления. Оно понимается как длящееся действие, совершаемое посредством исполнения нескольких противоправных действий. Однако стоит отметить тот факт, что понимание единичного сложного преступления во французском праве помимо того, что он существует лишь в умах и трудах исследователей несколько иное.

Также стоит отметить, что в российском уголовном праве единичное сложное преступление является самостоятельным понятием и правовой категорией, в то же время как во французской уголовно-правовой доктрине оно является лишь одной из классификаций преступлений.

Французское уголовное право не разделяет сложное преступление на виды, одновременно включая в определение понятия сложного преступления признаки составного преступления и продолжаемого. Если исходить из текста закона, а именно ст. 382 и 169 УК Франции, то можно сделать вывод о том, что конструкция продолжаемого преступления закреплена в отдельных составах, однако в качестве отдельного института не выделяется.

Другим достаточно интересным примером с точки зрения сравнительно-правового анализа является японское видение единичного сложного преступления. Японское уголовное законодательство не выделяет виды единичного сложного преступления, однако ему знакомы такие институты как обобщённое единичное преступление и конкуренция статей. На проблему разграничения множественности преступлений и «сложного» преступления особое внимание обращает японский правовед Ито.

Под обобщённым единичным преступлением (сокацутэки итидзай) понимается, к примеру, случай, когда каждое из нескольких деяний выглядит

как подпадающее под определенный состав преступления, однако все эти деяния, исходя из своей природы и цели признаются в качестве одного преступления.

В качестве примера Ито приводит в пример преступление, целью которого является убийство человека, однако для достижения которого потребовалось несколько ударов ножом. Как отмечает Ито, в данном случае квалифицировать последний удар ножом как покушение на убийство, а все предыдущие как попытки причинения тяжкого вреда здоровью не нужно, так как все ножевые удары имели одну цель – убийство человека.

При проведении сравнительного анализа отдельных видов единичного сложного преступления, на наш взгляд, стоит обратиться к законодательному опыту ряда южно-европейских государств.

В действующем УК Румынии содержится понятие составного преступления. Оно определяется как преступление, включающее в качестве своих элементов, несколько однородных действий или бездействие, за совершение каждого из которых предусмотрена уголовная ответственность, однако в целях объективного определения субъективной и объективной стороны преступления их рассматривают в совокупности или даже в системе⁵.

Особенным образом понятие продолжаемого преступления закреплено в уголовном законодательстве Болгарии. Так, согласно ст. 26 УК Болгарии, продолжаемое преступление определяется как деяние, которое было совершено в последствие совершения двух или нескольких противоправных деяний, которые сами по себе пусть и могут быть самостоятельными составами преступления и совершение которых может влечь наступление уголовной ответственности, однако для более полной характеристики, которых и характеристики противоправного деяния, их стоит оценивать в системе.

Также, определяя особенную черту продолжаемого преступления, УК

⁵ Кольцова Е.Ю. Указ. соч. С. 104.

Болгарии характеризует его как преступление, которое состоит из нескольких деяний, совершённых последовательно через небольшие промежутки времени.

В свою очередь в гл. 3 «Понятие преступления, категории и виды преступлений» УК Туркменистана закреплены не только продолжаемые преступления, но и длящиеся. Последнее определено как деяние, признаки которого предусмотрены одной статьей или частью статьи УК, состоящее в осуществлении этого деяния в течение неопределенного времени. При этом, деяние признается оконченным с момента прекращения его совершения либо момента наступления события, препятствующего его продолжению (ст. 15)⁶. Кроме того, в ст. 29 УК Туркменистана дается толкование преступлению, совершенному при сочетании умысла и неосторожности (деяние с двойной формой вины)⁷.

В уголовном законодательстве Кыргызской Республики преступления с двумя формами вины самостоятельно не выделяются. Однако в ст. 20 и 36 УК раскрываются понятия длящихся и продолжаемых преступлений. Под длящимся преступлением предлагается понимать деяние, предусмотренное Особенной частью УК КР, совершение которого начинается с действия или бездействия, которое затем осуществляется непрерывно. Под продолжаемым – предусмотренное одной из статей (или частей статьи) УК, включающее два или более однородных деяния, совершенных с единым умыслом. При этом, нормы, содержащие толкование этих видов сложных единичных преступлений размещены в разных главах УК Кыргызстана (длящиеся – в гл. 3; продолжаемые – в гл. 6).

Такой подход позволяет констатировать отсутствие стремления законодателя регламентировать их как виды сложного единичного преступления. Он лишь свидетельствует о цели их отграничения от

⁶ См.: Кольцова Е.Ю. Указ. соч. С. 102.

⁷ См.: Монахов Г.Д. Понятие и виды единичных сложных преступлений в странах дальнего зарубежья // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 1, № 10(22). С. 70.

множественности преступлений и определения момента их окончания.

Особого внимания заслуживает уголовное законодательство Грузии. Законодатель данной страны, стремясь четко структурировать УК, в рамках раздела 2 «Преступление» выделил главу IV «Виды единичного преступления». Такое решение следует признать прогрессивным, так как в отличие от законодательства иных стран постсоветского пространства, законодатель, хоть и, не раскрывая сущности единичного преступления, выделил их в отдельную главу. Однако в ее состав вошли только две нормы, регламентирующие дящиеся (ст. 13 УК) и продолжаемые преступления (ст. 14 УК). Примечательно, что преступления с двумя формами вины, которые также закреплены в ст. 11 УК Грузии не отнесены к видам единичного преступления. Более того, дящиеся и продолжаемые преступления – это только часть видов сложных единичных преступлений, отнесенных к таковым по особенностям совершения деяния, однако есть группа сложных единичных преступлений, выделяемых по особенностям законодательной конструкции, которые не нашли законодательной регламентации в рамках главы 4 УК Грузии⁸.

УК Молдовы – единственный уголовный закон стран постсоветского пространства, в котором легализовано толкование единичного преступления, согласно которому оно образует действие (бездействие) или совокупность действий (бездействий), квалифицируемых в соответствии с положениями одной нормы (ст. 28). Однако в нем отсутствует указание на деление единичных преступлений на простые и сложные, а в последующих статьях представлены понятия дящегося и продолжаемого преступлений (ст. 29 и 30 УК соответственно). Также в нем регламентировано понятие преступления с двумя формами вины (ст. 19 УК). Несмотря на то, что все указанные статьи расположены в одной главе закона в нормах, содержащих толкование

⁸ Мишина Е.А. Хроника грузинских реформ // Lex russica. – 2014. – № 5. – С. 535–542

единичных преступлений и некоторых их видов, усматривается явное отсутствие четкой систематизации.

Изложенное позволяет констатировать, что в странах, образованных после распада Советского Союза, усматривается тенденция к закреплению некоторых видов сложных единичных преступлений (с двумя формами вины, продолжаемых и длящихся). Однако в большинстве случаев в их регламентации отсутствует должная систематизация.

Опыт выделения в УК Грузии в рамках раздела «Преступление» главы «Виды единичного преступления» может быть воспринят отечественным законодателем. Однако, считается, что в указанном законе регламентация видов единичных преступлений произведена недостаточно, ввиду отсутствия понятия единичных преступлений и толкования сложных единичных преступлений, связанных с особенностями построения законодательной конструкцией состава преступления, что следует учесть российскому законодателю в случае заимствования указанных идей⁹.

Таким образом, тот факт, что понимание единичного сложного преступления и его отдельных, как и родового для него понятия единичного преступления, если и известны УК стран зарубежья, то в достаточно отличной форме от его понимания отечественном уголовном праве. Более того, даже если данное понятие или его аналоги и встречаются в уголовном праве рассмотренных стран, то богатство его видов и глубина смысла, который вкладывает в него российская доктрина, намного беднее. Однако есть определённые положительные моменты, которые, должны быть восприняты российским законодателем. В частности, внимания заслуживают моменты, касающиеся законодательного закрепления как самого единичного сложного

⁹ См.: Монахов Г.Д. Указ. соч. С. 77.

¹⁰ Гудима, К.Н. Уголовный кодекс Приднестровской Молдавской Республики 2002 г.: особенности формирования, современное состояние и перспективы совершенствования / К.Н. Гудима// Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020 – № 2 с. 32-34

преступления, так и отдельных его видов, длящегося и составного преступления в том числе.

Список использованной литературы:

1. Грюнхут М. Английское уголовное право. В кн.: Современное зарубежное уголовное право. Т. 3. – М.: Иностранная литература, 1961.

2. Гудима, К.Н. Уголовный кодекс Приднестровской Молдавской Республики 2002 г.: особенности формирования, современное состояние и перспективы совершенствования / К.Н. Гудима// Юридический вестник Кубанского государственного университета, 2020.

2. Кольцова, Е.Ю. Регламентация сложных единичных преступлений в уголовном законодательстве стран постсоветского пространства / Е.Ю. Кольцова // Реализация прав, свобод и законных интересов граждан в местах принудительного содержания: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Рязань, 04 февраля 2021 года / Под общей редакцией Л.Ю. Лариной, под научной редакцией А.Я. Гришко. – Рязань: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Концепция", 2021.

3. Куличенко, Н.Н. Единичное сложное преступление в уголовном праве и законодательстве зарубежных стран (сравнительный анализ) / Н.Н. Куличенко, К.Р. Абызов // Ползуновский вестник. – 2006.

4 Монахов, Г.Д. Понятие и виды единичных сложных преступлений в странах дальнего зарубежья / Г.Д. Монахов // Теория права и межгосударственных отношений. – 2022. – Т. 1, № 10(22).

5. Мишина Е.А. Хроника грузинских реформ // Lex russica. – 2014. – № 5.

6. Примерный Уголовный кодекс (США). – М.: Прогресс, 1969.